

Карачина О. Е.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ: КОНЦЕПТ "ВЗЯТКА" В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/24.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 58-60. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ: КОНЦЕПТ «ВЗЯТКА» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Карачина О. Е.

Российский государственный социальный университет

В силу общности исторического развития и сходства моделей экономического поведения концептосферы, фиксирующие экономические представления индивидуумов в различных культурах, имеют много общего. Одним из таких «интернациональных» концептов является совокупность исторических, нравственных и культурных представлений о взяточничестве. Практика давать плату должностному лицу за совершение каких-либо незаконных действий или, наоборот, за несовершение законных действий в интересах дающего зародилась на заре веков вместе с появлением государственного аппарата. Поскольку в те времена еще не существовало фиксированной оплаты труда чиновников, их доходы составляли подношения натуральными продуктами и предметами обихода, оставляемая себе доля собранной подати, награда в виде участков земли и недвижимости. Но подобная практика неизбежно приводила к злоупотреблениям и представляла угрозу для правителя. Поэтому по мере развития государственности госслужащих переводили на фиксированные зарплаты, а с неконтролируемыми подношениями начинали бороться [Тимофеев, 2000]. Но взятка - это не только и даже не столько социально-экономическая, сколько нравственная категория, проецирующаяся на такие понятия, как «честность», «совесть», «стыд», «жадность». Примечательно, что эмоционально-оценочное восприятие феномена взяточничества сопровождает его всю историю существования. Еще в Ветхом Завете среди законов, которые Моисей получил от Господа на горе Синай, находим: «Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых» [Ветхий Завет. Исход 23:8]. Во все времена взяточничество осуждалось с моральных позиций писателями, публицистами, учеными, прогрессивными политическими и общественными деятелями. Но, тем не менее, это социальное зло оказалось очень живучим, и причины этого кроются не только в неустойчивости моральных устоев индивидуумов, но и в специфических экономических и политических условиях в конкретном обществе. В качестве примера последних можно привести ситуацию, когда правительство оказывается неспособным предоставить некоторым категориям рабочих и служащих официальную заработную плату, адекватную их квалификации (как это происходит сейчас в России с врачами, преподавателями, военнослужащими). Другие причины носит культурно-исторический характер: это и укоренившиеся убеждения вроде эмпирической аксиомы человеческого бытия «За все надо платить» («There is no such thing as a free lunch»), а также национальные особенности установления референтных соответствий лексических номинантов. Например, то, что в одних странах считается просто чаевыми (tipping) или иным законным дополнительным вознаграждением, в других странах рассматривается как взятка (так, в Австралии взяткой считается дача чаевых официантам казино, а в арабском мире, наоборот, всевозможные вознаграждения настолько распространены, что, когда в 1990-х годах борьба с коррупцией была поставлена на международную повестку дня, в арабский язык пришлось искусственно вводить соответствующие термины, т.к. таких лексических единиц с тождественной негативной коннотацией, как в западном мире, там не существовало) [www.en.wikipedia.org/wiki].

Рассмотрим, каковы же общие и отличительные черты в восприятии взяточничества в русскоязычной и англоязычной культурах. Толкования взятки словарями и справочниками указывают на тождественность в базисном понимании явления:

«Взятка - плата или подарок должностному лицу за совершение каких-либо незаконных действий по должности в интересах дающего» [Толковый словарь Ушакова]. В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона уточняется, что взятка это «принимаемый должностными лицами подарок за исполнение какого-либо действия или за *бездействие* по службе» (курсив – наш). В специальных словарях взяточничество определяется как «противозаконное получение денег, ценных вещей (взяток) в обмен на получение привилегий, оказание незаконных услуг, предпочтений, «проталкивание» дел взяткодателя [Большой Экономический словарь].

Сравним с определениями в английских толковых словарях:

Bribe - influencing the behaviour or judgment of especially someone in a position of power or trust unfairly or illegally by offering them favours or gifts [Longman Dictionary of English Language and Culture]. Википедия с ссылкой на Black's Law Dictionary определяет взяточничество как особый вид преступления:

Bribery constitutes a crime and is defined as the offering, giving, receiving, or soliciting of any item of value to influence the actions of an official or other person in discharge of a public or legal duty [www.en.wikipedia.org/wiki].

В русском языке слово «взятка» произошло от др.-слав. възти, възъмѣ, которое послужило основой и для родственного существительного «взяток» - "то, что пчела собирает и уносит на ножках" [Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера]. Однако первоначально для обозначения взятки использовались иные слова. Так, в русском законодательстве взятка впервые упоминается в правовых документах конца XIV в. под названием «посул». Это значение находим и в словаре Даля: *Посулы* - гостинцы, поборы, взятки, под(при)носы (например, *Посуловъ не имати*). В Древней Руси в основе содержания административной системы лежали так называемые «кормления». Представители центральной власти на местах не получали жалованья, а содержались, или кормились за счет подвластного населения. Размеры такого содержания опре-

делялись официальными документами и обычаем. Посул же понимался как злоупотребление в кормлении, как превышение норм, установленных для кормленщиков. С формированием централизованного аппарата управления и появлением слоя чиновников, получавших жалование из казны, к концу XVII в. в России сложилась новая традиция «выражения благодарности» чиновникам, которая могла быть трёх видов: «почестии», «поминки» и «посул». «Почестиями» и «поминками» называли подарки чиновникам, которые считались не подкупом чиновника, а знаком уважения. А прямой подкуп с целью добиться решения дела в свою пользу назывался «посулом», который рассматривался как должностное преступление и карался по уголовному законодательству. Размеры «почестей и поминок» были общеизвестны и освящены традицией. И хотя Петр I запретил любые подношения чиновникам, однако, именно при нем взяточничество не только не исчезает, но и становится подлинно всеобщим явлением. В царской России различали два вида взяточничества: *мздоимство* и *лихоимство*. Взятка, данная за совершение действия, входящего в круг обязанностей должностного лица, трактовалась как мздоимство, а взятка за совершение служебного проступка или преступления в сфере служебной деятельности трактовалась как лихоимство.

В английском языке слово *bribe* появляется в XIV веке из французского языка и первоначально означает "morsel of bread given to beggars," (франц. *briber* "to beg"). В значении "gift given to influence corruptly" впервые упоминается в 1535 г. Приблизительно в это же время из латинского языка заимствуется слово *corrupt* (*corruptere* - «destroy, spoil, bribe») в своем исходном значении. В XVI веке язык взяточничества пополняется метафорически переосмысленным глаголом *grease* (от *grease the wheels*) в значении «давать взятку» и *suborn* в значении «to procure by bribery, to lure to commit a crime», заимствованный через франц. *suborner* от лат. *subornare* (*equip*) [Online Etymology Dictionary].

Сопоставительный анализ отобранного из словарей, справочников и публицистических источников лексического материала, объективирующего концепт «взятка», позволил выделить ряд ведущих когнитивных признаков. Так в обоих языках вполне объяснимо выражен признак **эвфемизации**, когда незаконное и аморальное действие называется с помощью лексем, имеющих в структуре своего значения семы, родственные семантическому составу прямого номинанта. Так в английском языке взятка часто обозначается как *gift, compensation, remuneration, consultancy fee, tipping, commission, sweetener, envelope, contribution to party funds*. В русском языке находим похожие номинации: *подарок, компенсация, вознаграждение, гонорар, благодарность* (как, например, в многозначительном обещании: «Я буду Вам очень благодарен»), *барашек в бумажке* (эксплуатируется образ восточного подарка). Сюда же можно отнести и заимствования из других языков, которые не звучат так прямо, как родное прямое наименование, например слово *бакшиши*, которое было заимствованное из персидского языка со значением «подарок, подачка на чай, взятка» [Толковый словарь Ушакова]. В английский язык *baksheesh/ bukshee* было также заимствованно из персидского (*bakhshish*) приблизительно в 1760 со значением «payment (as a tip or bribe) to expedite service» [New Collegiate Dictionary]. Интересно, что в родной среде - странах Среднего и Ближнего Востока - термин имеет более широкую семантику и означает не только определенные формы взяточничества, но и чаевые, благотворительные подаяния. В эту группу также входят многочисленные номинанты, кодирующие компоненты ситуации дачи и получения взятки в различных сферах профессиональной деятельности. Например, в олигархических кругах является расхожим для взятки обозначение *торт*, и «торт» может быть «килограммовым», «двухкилограммовым», он может «съедаться», что значит все в порядке, а могут попросить и «добавки». В английском языке в 30-х годах появилось слово *payola* (от *pay off* + *pianola*), обозначающее подкуп записывающими компаниями диск жокеев, чтобы они ставили «их» музыку. Сейчас термин стал использоваться и за пределами музыкальной сферы. Другим весьма обширно лексикализованным признаком и в русском и в английском языке выступает признак **рыночных действий: продать - купить - платить** (английские лексемы *buy/ buy off, buy back, make a deal, pay off, do business, venal* соответствуют русским *купить/ подкупить кого-л., откупиться, продажность/ продажный, договориться, все схвачено*). Общность ассоциативных связей, мотивированных практическим опытом, является основой для метафорического представления взятки в сопоставляемых языках как **смазочного вещества**, позволяющего облегчать или ускорять ход машины. Так в английском языке распространенными выражениями действия дачи взятки являются *to grease/ oil the palm, to lubricate*. Отсюда взятка начинает именоваться как *grease (money), lubricate, sleaze*. Сравним с русским высказыванием: «*Не подмажешь, не поедешь*». Примечательно, что подобная ассоциация распространена во многих культурах: в немецком *Shmiergeld (smear money)*, в венгерском *kenopenz (grease money)* или *csuszopenz (slippery money)*, в испанском *untar (to spread or smear)* [Sutcliffe, 2009]. Отдельную группу составляют номинанты, классифицирующим признаком которых является представление денежных сумм в виде материального объекта, с которым можно совершать **конкретные физические действия**: в английском - *kickback, drop (you might drop a policeman or be given a drop), bung*, сравним с русским *откат*. Среди прочих признаков концепта «взятка» в сопоставляемых языках можно отметить: **участие органов тела и физических действий человека** во время дачи взятки (*дать на лапу, мохнатая лапа, отслюнявить, отсчитывать; backhander, grease the palm, itching palm*), **удовлетворение первоочередных потребностей человека в еде** (в значительной степени этот признак связан с исторически первичной функцией взятки): *прикормить / прикормленный; feedbag, lolly, barrister's 'refresher'*. В английском языке также присутствует признак, практически не лексикализованный в русском языке - признак **соблазна** (*allurement, enticement, financial inducement, lure*).

И в завершении, в целях получения более полного описания национальной специфики изучаемого кон-

цепта в сопоставляемых культурах обратимся к результатам ассоциативного анализа. Так по данным Русского ассоциативного словаря и The Edinburg Word Association Thesaurus наиболее частотной реакцией на стимул «взятка» в обоих языках является реакция «деньги» (4 из 27 в русском языке и 37 из 99 в английском языке). Однако вторым по числу реакций в русском языке оказался ответ «большая / большие деньги» (4). В английском сознании, как показывают данные, взятка ассоциируется вслед за деньгами с коррупцией (16). Отличаемся мы и по объекту взятки: у англичан в этом случае прежде всего возникают ассоциации со взяткой полицейским (3), у русских - начальнику, директору, боссу (3). Сопоставительный анализ ассоциативного материала позволяет выделить также группы ассоциатов, уникальных для каждой культуры: так согласно результатам Русского ассоциативного словаря у русских взятка ассоциируется с определенным этапом исторического развития (годы застоя), из ответов англичан явствует, что взятка для них, прежде всего, нечестное поведение (7) и преступление (3) (в ответов русских участников подобные реакции отсутствовали).

Список использованной литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 2-х т. СПб.: Авангард, 1990.
2. Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2000.
3. Sutcliffe Thomas. A Bung Here, a Bite There: It Always Means Money: glossary [Электронный ресурс]. URL: www.independent.co.uk

Список использованных словарей

1. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2008. С. 104.
2. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: www.thesaurus.ru/dict/dict.php
3. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Владимир Даль. М.: Рус. яз., 2000. Т. 3. С. 349.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman House, Burnt Hill, Harlow, Essex, Longman Group UK LMT, 1992.
5. New Collegiate Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.dic.academic.ru/searchall.php
6. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.en.wikipedia.org/wiki
7. The Edinburg Word Association Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: www.eat.rl.ac.uk

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ НЕМЕЦКОЙ ВЕРСИИ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА

А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

Коваленко К. В.

Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского

Важной составляющей художественной речи, вызывающей большие сложности при переводе, являются те речевые факты оригинала, к которым относится словотворчество, релевантной частью которого стали индивидуальные авторские новообразования (окказионализмы). Наряду со своим основным лексическим значением они содержат в себе сопутствующие коннотации, передающие высказывания автора или его персонажей. Это свойство окказиональной лексики позволяет ей выступать в роли выразительного экспрессивного средства.

Ещё Г. Пауль заметил, что «разница между узуальным и окказиональным значениями становится особенно ощутимой при переводе с одного языка на другой... Целью перевода является передача максимально точного соответствия окказиональных значений слов и словосочетаний» [9, с. 103]. Мысли Пауля о переводе созвучны с основополагающим тезисом о полном переводе А. В. Фёдорова: «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и функционально-стилистическое соответствие ему» [12, с. 127]. Далее Фёдоров говорит о том, что полноценный перевод заключается «в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путём воспроизведения особенностей (если это возможно по языковым условиям или создания функциональных соответствий этим особенностям)» [Там же].

Тезис Фёдорова заставляет нас внимательнее взглянуть на диалектически взаимосвязанные стороны окказионального слова - на материальную, т.е. словоформу и идеальную - на его значение. Эр. Ханпира справедливо считает, что источником экспрессии окказионализма является «деформация его языковой нормы, всякая актуализация (деавтоматизация), порождающая экспрессию» [13, с. 256]. «Экспрессивность окказионализма прямо пропорциональна его окказиональности» [Там же]. Окказионализм не просто представляет собой нарушение нормы. Это нарушение функционально обусловлено, оно создаётся специально и по случаю. Окказионализм в силу этого свойства привлекает к себе внимание читателя, реализуя процесс «деавтоматизации». Создание окказионального слова - это творческий акт. Логично предположить, что перевод такого слова должен также стать предметом словотворчества, но уже в ПЯ. Здесь возникает та ситуация, о которой пишет В. С. Виноградов: «даже воспринимая окказиональное слово как таковое, многие переводчики не решаются заняться словотворчеством и прибегают к более или менее удачным описательным эквивалентам» [2, с. 126]. Признавая верность позиции Виноградова, мы хотели бы отметить, что занимаясь проблемой стилистически маркированной окказиональной лексики языка произведений Солженицына, мы столкнулись с самыми различными способами переводчиков избежать перевода окказионализма, обойти его, не заметить, словно его вообще не существовало в ИЯ. К сожалению, такая практика принимает характер не